

УДК 343.23.01

С.А. Гавриленков

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВИНЫ И ВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РФ

В настоящей статье рассматривается проблема соотношения конструкций и юридического содержания вины и виновности как дефинитивных категорий уголовного закона. Посредством анализа уголовно-правовых норм выявлено соотношение и различие объемов указанных феноменов с точки зрения их компонентной структуры относительно состава преступления.

Ключевые слова: вина, виновность, состав преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния (действия и бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Согласно науке уголовного права вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию [1. С. 160].

Лишь совокупность формы и содержания вины с учетом всех особенностей психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин определяет степень отрицательного отношения лица к интересам общества, проявленного в совершенном лицом деянии, т.е. степень его вины [2. С. 17].

Деяние вменяется человеку в вину, если в нем участвовала его сознательная воля. Для признания человека виновным налицо должны быть два элемента: 1) способность человека понимать им совершаемое и 2) способность его к произвольным действиям [3. С. 253].

Различное сочетание интеллектуального и волевого элементов сознания образует формы вины, которые, как мы знаем, представляют умысел (прямой и косвенный) и неосторожность в виде легкомыслия и небрежности, о чем указано в ст. 25 и 26 УК РФ.

Из анализа продекларированных в ст. 5, 25 и 26 УК РФ положений следует однозначный вывод, что квалификация действий лица как совершившего преступление, возможна исключительно при наличии вины. В любом случае как минимум необходимо наличие определенного психического отношения к совершаемому общественно опасному деянию. Иными словами, вина есть категория субъективная, заключается в определенных интеллектуально-волевых процессах относительно причиняемого вреда.

Кроме того, ч. 2 ст. 5 УК РФ прямо гласит, что объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается.

Следует прояснить смысл, вложенный в данную норму, а именно в понятия «объективное вменение» и «невиновное причинение вреда».

Любое преступление имеет свое проявление в объективной реальности. Например, убийство – это умышленное лишение жизни другого человека ка-

ким-либо способом, т.е., в частности, выстрел из ружья, поражение снарядом патрона и, как следствие, разрушение физиологической целостности организма, что, в свою очередь, влечет смерть; хищение – действия, каким-либо способом направленные на завладение чужим имуществом, в частности с угрозой применения насилия, передача потерпевшим имущества, уменьшение наличного имущества законного владельца.

Проявление преступления, содержащее основную его суть, в науке уголовного права, а недавно и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (ранее избегавшего исключительно научных формулировок) принято называть объективной стороной преступления [4].

Исходя же из принципа вины и доктрины субъективного вменения, само по себе (исходя из вышесказанного) наличие насильственной смерти либо факта изъятия чужого имущества не дает оснований для квалификации действий лица, совершившего общественно опасное деяние с указанными последствиями, как убийство либо как грабеж, т.е. как конкретных преступлений и, более того, как преступлений вообще.

Необходимо установление такого элемента состава преступления, как субъективная сторона, и обязательного признака указанного элемента – вины, т.е. факта особого психического отношения лица к совершенному деянию и наступившим общественно опасным последствиям.

Данная проблема при квалификации преступлений длительное время являлась одной из актуальных в советском, а сейчас и российском уголовном праве.

Разработанная наукой теория квалификации преступлений обращает внимание на то, что форма вины может быть прямо указана в законе, вытекать из смысла употребленных терминов, из указаний в законе на мотив, цель и заведомость либо следовать из систематического толкования закона [5. С. 148].

При этом умолчание о форме вины не снимает вопроса о вине, а лишь требует тщательного выяснения мысли законодателя для установления необходимой для данного состава формы вины [6. С. 206].

В конечном итоге установление как формы и вида вины, так и факультативных признаков данного элемента состава необходимо для отграничения преступления от непроступного поведения, квалифицированного состава от основного, а также разграничения так называемых смежных составов.

Бесспорно, вина должна устанавливаться по отношению ко всем юридически значимым обстоятельствам преступления, являющимся признаками соответствующего состава преступления или отягчающим наказание [7. С. 80].

Так каково же содержание вины, что представляет собой данный феномен как обязательный признак состава преступления по действующему уголовному закону?

Несмотря на очевидную важность и необходимость законодательного закрепления данного обязательного признака состава преступления, содержание, вкладываемое законодателем в термин «вина», в действующем УК РФ прямо не раскрывается. В законе установлен лишь принцип вины,

который предполагает возможность наступления уголовной ответственности при наличии последней, исключая ответственность за невиновное причинение вреда.

Данное положение вызывает научные споры, а также порождает проблему содержания вины, не говоря о бытовом ее понимании, что не менее важно, учитывая тот факт, что уголовный закон принимается не научным сообществом, а представительными законодательными органами для общества в целом. Как любая иная отрасль права, УК призван регулировать общественные отношения в своей сфере. Смысл данного юридического термина должен быть прост и понятен как для правоприменителя, так и для любого субъекта как минимум уголовно-правовых отношений, тем более что в России действуют суды присяжных, на основании решения которых о виновности или невиновности подсудимого суд обязан вынести обвинительный либо оправдательный приговор, в том числе по категории особо тяжких преступлений. Вынесение же приговора по конкретному делу и есть то «высшее» предназначение любых категорий уголовного закона как отдельно, так и в своей системе, которые не должны существовать сами по себе в виде сложных «элитно-научных» абстракций.

Показателен результат анкетирования, проведенный автором среди студентов 1-го курса Северо-Восточного государственного университета, в соответствии с учебной программой еще не приступивших к изучению уголовного права. Соответственно полученные данные объективны, свободны от «навязанных» учебным процессом юридических установок и являются по сути бытовым пониманием поставленных в анкете вопросов о юридическом содержании вины и виновности.

Фактически все анкетированные пояснили, что вина является эмоциональным негативным переживанием субъекта по предмету уже свершенного проступка (чувство вины), а виновность – это доказанность факта совершения проступка конкретным лицом. Нетрудно заметить склонность бытового мышления к объективному вменению, отсутствие хотя бы упоминания об интеллектуальных и волевых обстоятельствах в момент совершения деяния¹.

В этом свете интересно мнение анкетированных студентов того же вуза, но учащихся 5-го курса, которые отметили, что виновность – это совокупность субъективных и объективных обстоятельств, обосновывающих осуждение лица. Иными словами, виновность предлагается уже с учетом наличия умысла или неосторожности, но все равно неразрывно с доказанным фактом совершения этим лицом деяния².

Для иллюстрации актуальности, а более точно, архиважности и «зрелости»(!) проблемы, обусловленной вышеизложенными причинами, возможно проанализировать уголовно-процессуальный закон РФ, который

---

¹ Анкетирование от 13 декабря 2010 г., группа Ю-01 дневного отделения социально-гуманитарного факультета СВГУ, специальность «Юриспруденция».

² Анкетирование от 9 декабря 2010 г., группа Ю-61 дневного отделения социально-гуманитарного факультета СВГУ, специальность «Юриспруденция».

регламентирует апогей уголовной ответственности, ее важнейшую стадию – назначение наказания.

Исходя из бесспорного посыла, что процессуальное право – это форма применения права материального, следует вывод об идентичности содержания дефинитивных категорий данных отраслей.

Действительно, трудно предположить, что система, в которой форма существования явления, в частности процесс правоприменения, находится в противоречии со своим содержанием (материальными нормами), объективно способна существовать.

В соответствии с ч. 1 ст. 338 УПК РФ судья с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам [8].

Следует обратить внимание на содержание данных вопросов, предусмотренных ст. 339 УПК РФ, какие обязательные признаки явления должны найти свое подтверждение, чтобы индивид был признан субъектом, подлежащим уголовной ответственности.

Так, явление, причинившее вред общественным отношениям и подлежащее оценке как преступление, законодателем характеризуется тремя обязательными компонентами:

1) доказано ли, что деяние имело место, другими словами, имело ли место поведение, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (полагаем, законодателем в данном случае вложен более широкий смысл в термин «деяние», понимаемый как описанные в диспозиции признаки объективной стороны; в формальных составах непосредственно деяние, соответственно в материальных также указанный в диспозиции вред);

2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый, т.е. факт, что именно конкретное физическое лицо, представшее перед судом, объективно своим поведением причинило вред охраняемой законом ценности;

3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

Таким образом, конструкция данной нормы предполагает, что виновность как смысловой юридический термин в своей сути не несет обсуждения правоприменителем вопроса о наличии деяния и его совершения конкретным лицом, так как данные стороны преступления, как явления действительности, подлежат обсуждению в первом и втором вопросе. Тогда какой смысл законодателем вложен в третий вопрос: что есть содержание этого понятия, какие признаки феномена «виновность» подлежат обсуждению теми же присяжными?

Как содержание состава преступления, так и его обязательного признака – вины, а также значение термина «виновность» возможно установить исключительно из системного анализа норм уголовного и уголовно-процессуального закона, используя в том числе грамматическое толкование, уясняя смысл юридического текста исходя из орфографии, синтаксиса и морфологии русского языка, на котором изложен текст обоих федеральных законов. Исходя из посыла, что нормы уголовного закона всегда есть система необходимых компонентов, устанавливая содержания

вины, необходимо использовать систематическое и логическое толкование текста уголовных норм.

При отсутствии дефиниции вины, раскрывающей ее структуру и содержание, смысл последней возможно раскрыть путем анализа нормы о формах вины. Так, в ч. 1 ст. 24 УК указано, что виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности.

Можно предположить, что слово «виновный» является производным от «вина», является высказыванием законодателя и обозначает наличие вины как качества у субъекта. Исходя из логики высказываний, высказывание является формой отражения объективной реальности в человеческом сознании, отражает объективную связь между явлениями и бывает различных типов. Мы говорим об объективной связи между явлениями, если определенным явлениям присущи определенные признаки [9. С. 40]. Виновный и вина есть «объективное отношение». Соответственно термин «виновность», как производное от «вина», может обозначать форму явления, в любом случае наполненную либо умыслом, либо неосторожностью. Высказывалось мнение, что наука уголовного права предусматривает такие признаки преступного деяния (действия или бездействия), как: а) общественная опасность, б) уголовная противоправность, в) виновность, г) аморальность, д) уголовная наказуемость. Таким образом, предлагалось, что виновность (т.е. наличие вины – умысла или неосторожности¹) – необходимый конструктивный признак преступления [10. С. 38].

Тогда на первый взгляд вина никаким иным образом существовать или, другими словами, нести иной смысл своего содержания не может. Виновность может принимать форму либо умысла, либо неосторожности, полностью наполняясь ими, так как форма лишь способ, идеальный образ существования явления, его признак, прямо относящийся к явлению и характеризующий его, не существующий самостоятельно априори.

Данный вывод подтверждается и вышеприведенным анализом части первой нормы процессуального закона о постановке вопросов присяжным заседателям, отграничившей объективные обстоятельства (наличие деяния и его совершение субъектом) от виновности. А, как известно, если состав преступления как система состоит из четырех исчерпывающих и необходимых элементов, исключив из конструкции состава преступления объективные признаки и элемент «субъект», в остатке получим признак субъективный – вина, что безусловно следует из анализа ч. 1 ст. 339 УПК РФ.

Казалось бы, данная норма прямо подтверждает наш первоначальный вывод об узком, не бытовом содержании вины, только как умысел либо неосторожность, по крайней мере не включающем в себя объективных признаков – вида вреда, способа его причинения, а также привязки причиняющего поведения к конкретному индивиду.

Однако противореча своей же логике разграничения объективных и субъективных признаков, имеющей место в ч. 1 ст. 339 УПК РФ, в ч. 2 этой же статьи устанавливается возможность постановки в вопросном листе одного основного вопроса о виновности подсудимого, являющегося, по

¹ Указанное в скобках – не примечание автора, а дословная цитата.

мнению законодателя, соединением вопросов, указанных в части первой настоящей статьи.

Как понимать ход мысли законодателя: является ли это умышленным «скатыванием», как было указано выше, от «элитно-научных» и оторванных в своей сложности от реальности идеальных понятий к устоявшемуся бытовому, «присяжному» пониманию вины либо, по мнению законодателя, виновность и вина, являясь словами однокоренными, не являются разными формами одного и того же смыслового объема, иными словами, содержат различные юридически значимые признаки?

Тем не менее в ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем кодексе» сущность по сути процессуальной категории «виновный» не раскрывается. Понятно, что это качественный статус подсудимого, позволяющий суду вынести обвинительный приговор и придать виновному статус осужденного. Но что вкладывается в эту дефиницию?

Исходя из смысла уголовно-процессуального закона, можно сделать вывод, что юридические категории «вина» и «виновный» не являются однозначными по значению. Исходя из ч. 2 ст. 339 УПК РФ, последнее понятие понимается законодателем как более широкое по объему, не совпадающее с первым и не охватывающее полностью явление «виновный» как качественный признак исключительно субъективных юридически значимых свойств субъекта. В соответствии с буквой и смыслом процессуального закона «виновен» нельзя истолковать иначе, чем как сложное составное понятие, включающее в себя отражение всех необходимых элементов состава преступления, т.е. кроме наличия непосредственно вины в форме умысла либо неосторожности, предполагающее наличие факта деяния, причинившего вред и совершенного подсудимым.

Представляется, что процессуальный закон никоим образом не противоречит закону материальному, вкладывая различный смысл в категории «вина» и «виновность».

Полагаем, категория «вина» есть законодательно закрепленная, не привязанная к конкретным объективным явлениям идеальная модель психических интеллектуально-волевых процессов, в форме умысла либо неосторожности находящаяся в статике, не наполненная объективным содержанием отдельного случая. В то время как виновность или невиновность есть форма существования вины в динамике, когда интеллектуальные и волевые процессы субъекта протекают относительно совершенного им деяния. Иными словами, вина сама как признак состава может существовать исключительно как идеальная модель, реально же, как юридическая категория, – только относительно объективного, запрещенного законом поведения. В этом смысле вполне обоснованно виновным в соответствии со ст. 24 УК РФ признается не лицо, обладающее умом либо неосторожностью, а совершившее деяние с указанными признаками.

В данном контексте вполне справедлива установка, что необнаруженные злые помыслы ... подлежат суду Божию [11. С. 313].

По закону субъект несет ответственность не за умысел или неосторожность как таковые, а за умышленное или неосторожное совершение преступления. Поэтому уголовно-правовое значение умысел или неосторожность приобретают лишь на этапе их реализации, когда по меньшей мере совершены подготовительные к преступлению действия...¹ [2. С. 75].

Таким образом, виновность есть качественное динамическое состояние вины, присущее субъекту, совершившему деяние в форме умысла либо неосторожности. Виновность – понятие составное, по объему большее, чем вина, и включающее в себя вину как элемент состава. Виновность по большому счету объективно не есть категория материального права и присуща субъекту как стадия динамического видоизменения статуса лица, совершившего преступление.

Иными словами, «виновность» либо «невиновность» есть формы существования вины, т.е. асоциальных в данном конкретном случае интеллектуальных и волевых процессов относительно юридически значимых признаков деяния и его последствий, что соответствует принципу *cogitationis poenam nemo patitur*².

Исходя из вышеизложенного, следует различать вину как обязательный признак субъективной стороны состава преступления и виновность как качество субъекта преступления, не исчерпывающееся лишь наличием вины.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Парог А.И. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2007. 528 с.
2. Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны. Владивосток, 1972. 132 с.
3. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. 451 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
5. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2004. 302 с.
6. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. 363 с.
7. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2007. 750 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Wolfgang Segeth. Elementare Logik. Berlin: Veb Deutscher verlagder wissenschaften, 1973. 247 S.
10. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
11. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003. 523 с.

---

¹ Несколько противоречия своему вышеприведенному суждению о виновности (как умыслу или неосторожности), автор фактически пришел к выводу, что вина – лишь статическая модель, а виновность – субъективное, юридически значимое качество совершающего деяние субъекта.

² Никто не подлежит наказанию за мысли (лат.).

Gavrilentov Sergey A. North Eastern State University (Magadan, Russian Federation).

LEGAL CONTENT OF GUILT AND CULPABILITY IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Key words: guilt, culpability, elements of crime.

The article discloses the concept of guilt as a principle and a fundamental vector of the criminal law in Russia based on the imputation when the nature of crime is determined. The correlation of objective and mental elements of crime as the categories for its determination is given in an available and logical form.

Some intellectual and conative characteristics of a person which prove the presence of mental element of crime in his behavior when he commits the act are emphasized. It is stressed that different combinations of intellectual and conative elements of consciousness form different types of guilt which are known to present the intent (both direct and indirect) and recklessness (flippancy and negligence) mentioned in Articles 25 and 26 of the Criminal Code of the Russian Federation.

According to the conclusion that guilt as an intellectual-conative system is the category of substantive law prescribed by legislators for definite types of behavior with socially-dangerous consequences the author analyzes the correlation of the above system with the concept of guilt in criminal and criminal procedure laws.

As notions of guilt and culpability are not directly disclosed definitions of law it's necessary to examine the norms of both substantial and procedural law using the method of comparison of the form and content of the single process- criminal liability and its grounds.

Taking into account the fact that law doesn't give reasons for its prescriptions when determining the acts and sentencing, the generally accepted thesis that jurisprudence is science but not the caprice of legislators the author interprets the sense of norms and notions and substantiates their logical and scientific validity. He separates the volume and content of guilt and culpability using the techniques of elementary logic. The analysis of semantic meanings of legislators' statements in official documents in the state language forms the basis for the interpretation. By reference to logic, any statement reflects the objective reality in person's consciousness and between phenomena and can be of different types. A guilty person and guilt are an "objective relation". So the term "culpability" can define the form of the phenomenon filled in any case by either intent or recklessness.

The above scientific terms lead to the conclusion about the correlation of guilt and culpability as different notions of crime where guilt is a static category of the legislative model of intellectual-conative processes of a wrongdoer. Culpability is a cumulative subjective aspect of the same person under some definite, prohibited by criminal law form of objective behavior.

The author concludes that culpability is a definite type of objective behavior when a concrete object of criminal law is encroached and when law specifies the form and type of guilt.

References

1. Inogamova-Chegay L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obschaya chast'. M., 2007. 528 s.
2. Dageľ P.S., Micheev R.I. Ustanovlenie sub'ektivnoy storony. Vladivostok, 1972. 132 s.
3. Sergeevich V.I. Lekzii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava. M.: Zerkalo, 2004. 451 s.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 g. № 29 «O sudebnoy prak-tike po delam o krazhe, grabezhe i razboe» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2003. № 2.
5. Kudryavzev V.N. Obschaya teoriya kvalifikazii prestupleniy. M.: Yurist, 2004. 302 s.
6. Traynin A.N. Obschee uchenie o sostave prestupleniya. M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1957. 363 s.
7. Lebedev V.M. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federation. M.: Prospekt, 2007. 750 s.
8. Ugolovno-prozessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federazii. Federal'nyy zakon ot 18 de-kabrya 2001 g. № 174-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25, St. 2954.
9. Wolfgang Segeth Elementare Logik. Berlin: Veb Deutscher verlagder wissenschaften, 1973, 247 s.
10. Dageľ P.S., Kotov D.P. Sub'ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1974. 243 s.
11. Fel'dshiteyn G.S. Glavnye techeniya v istorii nauki ugovolnogo prava v Rossii. M.: Zerkalo, 2003. 523 s.